

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

САЙМОН СКЭРРОУ

БРАТЯ
ПО КРОВИ

Москва
2015

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
С46

Simon Scarrow

BROTHERS IN BLOOD

Copyright © 2014 Simon Scarrow.
The Author asserts the moral right to be identified
as the Authors of this work.

Перевод с английского *Александра Шабрина*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Скэрроу, Саймон.

С46 Братья по крови / Саймон Скэрроу ; [пер. с англ.
А. Шабрина]. — Москва : Издательство «Э», 2015. —
448 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-83030-5

Римская империя, 52 год нашей эры. Император Клавдий, старый и больной, вот-вот умрет. За его трон борются сын императора Британик и пасынок Клавдия Нерон. Основным козырем в этой борьбе становится положение в новой римской колонии Британия. Разница лишь в том, что приверженцы наследника жаждут окончательной победы над варварами, сторонникам же Нерона на руку дальнейшая нестабильность за проливом. Поэтому Нарцисс, имперский секретарь, дает задание префекту Катону и его верному другу центуриону Макрону как можно скорее приблизить победу над мятежным вождем бриттов. При этом он сообщает им, что противоборствующая партия послала в колонию своего агента, который будет стремиться не допустить разгрома варваров. И этого лазутчика необходимо остановить – любой ценой...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

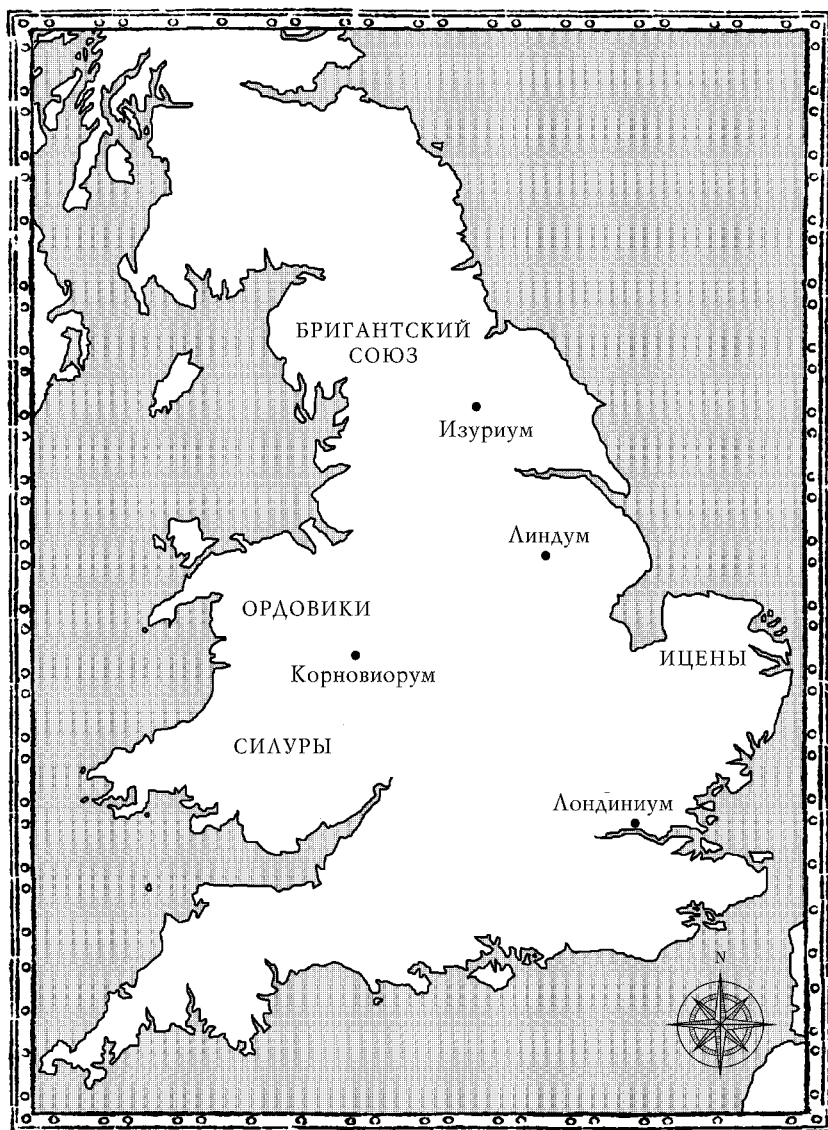
ISBN 978-5-699-83030-5

© Шабрин А. С., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

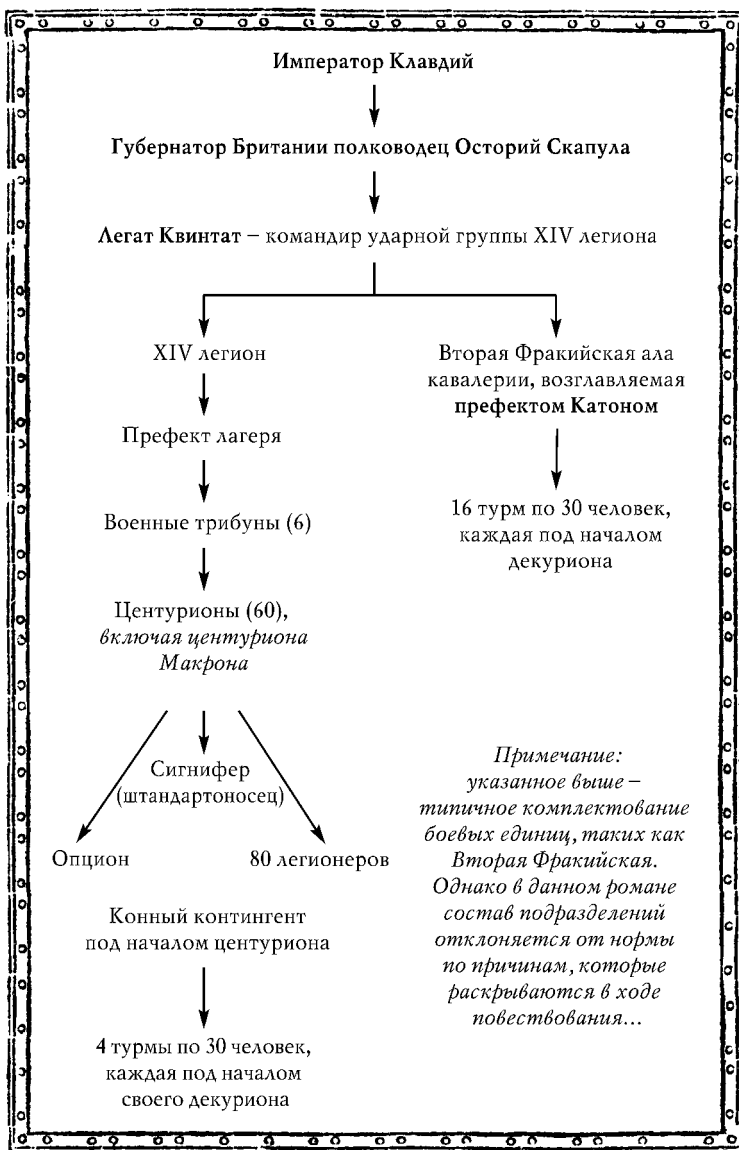
*Моему сыну Джозефу,
ставшему мужчиной*

Римская провинция Британия

52 г. н.э.

ИЕРАРХИЯ КОМАНДОВАНИЯ В РИМСКОЙ АРМИИ

Глава 1

Рим, февраль 52 года н. э.

Улицы столицы оживленно шумели толпами горожан, радующихся не по-зимнему теплomu дню. Стояла послеполуденная пора, и солнце приветливо сияло в чистой небесной лазури. То, что за ним хвост, Муза почуял, еще даже не различив своего преследователя. Именно это чутье прежде всего и пробудило внимание, придав ему остроту: врожденное умение вынюхивать опасность. Свойство в его ремесле поистине бесценное. Некоторая сумма, выложенная за обучение Музы с той самой поры, как он оказался выужен из трупоб за Авентином¹, помогла отточить его сметку и проворство. Не говоря уже о навыках. Подкован он был ничуть не меньше любого соглядата, действующего вне стен императорского дворца. Он знал, как крадучись ступать следом и убивать бесшумно. Как уродовать и избавляться от тела с наименьшим риском того, что труп будет найден, а уж тем более опознан. Как составлять и разгадывать тайнопись; какие яды наиболее

¹ Авентин — один из семи холмов, на которых расположен Рим.

действены и не оставляют следов, способных выдать руку отравителя. Знал Муза и то, как следовать за человеком хоть в толпе, хоть безлюдными проулками так гибко и бесшумно, как будто тебя и нет вовсе.

Обучен он был ухватывать и то, когда, наоборот, следуют за ним. А потому сейчас, остановившись у лавки булочника на окраине Форума, Муза придал себе вид покупателя, слегка рассеянно озирающего разнообразие хлебов и лепешек, а сам незаметно выискивал глазами того, кто шел следом: худой, темноволосый, в простой коричневой тунике (он сейчас тоже остановился — в пятнадцати шагах позади, у лотка с фруктами — и взял там грушу, которую непринужденно крутил в руке, якобы прицениваясь).

Муза чутко удерживал своего преследователя краем глаза, вбирая каждую деталь его нарочито неброской внешности. Спустя минутку он припомнил, что впервые заметил его на улице возле дома, куда нынче утром был послан своим хозяином передать некое послание — такое, что в силу своей важности никак нельзя было отправить письмом, а надлежало перед уходом затвердить наизусть. Его хвост тогда посиживал в стайке мужчин, собравшихся за игрой в кости, а затем встал и, небрежно потянувшись, тронулся по улице в ту же сторону, что и Муза, петляя за ним сквозь толпу. От Музы это не укрылось, но он до поры оставил это без внимания. *До поры*, но не более. На простое совпадение это уже не походило.

Он сумрачно улыбнулся. Что ж, посмотрим, кто кого. Есть множество способов оторваться от хвоста. Если преследователь хоть чего-нибудь стоит, то большинство уверток он раскусит и обойдет достаточно быстро. Но у Музы было одно преимущество, дающее ему в предстоящем поединке смекалок решающую фору: сирота-оборванец, он родился в здешних клоаках и вырос на этих улицах, с детских лет знаясь с местными уличными шайками. А потому каждый изгиб, каждый поворот улиц и проулков этого громадного, раски-

нувшегося по семи холмам города на берегу беспокойного Тибра были известны ему как свои пять пальцев.

Судя по смуглости человека в коричневой тунике, родом он не из города, а прибыл откуда-то с востока империи или же из-за ее пределов. И следовать за своей жертвой по лабиринту темных смрадных улочек Субуры — трущоб, что начинаются за Форумом, — у него получится недолго. Там он наверняка потеряет след, и да будут милостивы к нему боги, если он заблудится, пытаясь преследовать свою жертву. Обитатели Субуры — народец тертый и сплоченный меж собой, чужака унюхивают за милю хотя бы по отсутствию родной для них вони. И преследователь сам станет легкой добычей для первой же уличной шайки, что удумает на него напасть. На мгновение он ощутил нечто вроде жалости — мысль, которую Муза тут же от себя отогнал.

В этой игре сантиментам не место. Хозяин преследователя, несомненно, так же безжалостен, как и его собственный, поэтому приказ перерезать Музе глотку будет выполнен беспрекословно. Рука Музы скользнула за пояс и ласково притронулась к шишечке на рукояти ножа, скрытого под туникой. Это придало ему уверенности. Муза резко отвернул от прилавка и быстро зашагал к арке выхода с Форума. Оглядываться было незачем: и без того ясно, что незнакомец неотступно идет следом. Мимолетный взгляд назад подтвердил: так и есть, он пришел в движение.

Продавливаясь сквозь толпу (на него уже поглядывали косо, раздавались и неодобрительные возгласы), Муза чувствовал, как его сердце начинает биться все быстрее. Его переполняла странная смесь волнения, страха и вместе с тем азартной возбужденности. Он прошел под аркой, каменный изгиб которой вторил звонким эхом стуку башмаков и шороху сандалий, делая странно отчетливыми людские голоса, которые словно вычленились из приглушенного шума города по другую сторону. За аркой Муза повернул налево и трусцой засеменил ко входу в улочку, ведущую в сторону

Субуры. Неподалеку впереди он заметил мальчика в грубой тунике и поношенных, перевязанных тряпками сандалиях. Мальчишка сидел на корточках возле чумазой, изукрашенной каракулями стены и наблюдал за прохожими. Определенно воришка — как раз то, что надо. Муза на ходу сунул руку в кошелёк за пазухой.

— Эй, малый, — обратился он к пацану. — За мною идет человек в коричневой тунике. Если начнет расспрашивать, скажи, что я свернул вон в тот проулок.

Муза указал на покатуую улочку, ведущую совершенно в другую сторону. Маленький пройдоха кивнул, ловко поймав подкинутую ему монету. Муза нырнул в проулок, уходящий к Субуре, — угрюмый, узкий, с вездесущими кучками мусора. Людей здесь было значительно меньше, и он припустил бегом, чтобы как можно быстрее увеличить дистанцию между собой и преследователем.

Если все сложилось удачно, они наверняка разминутся еще под аркой. Хотя если его преследователь опытен, то заподозрит, не попытался ли Муза скрыться от него в кривых улочках Субуры, и тогда может спросить того мальчика. Вранью воришки он, глядишь, и поверит, ну а если нет, то даже минутное его колебание все равно замедлит погоню настолько, что когда он наконец доберется до трущоб, то жертвы там простынет и след. Пробежав несколько сотен шагов, Муза повернул направо, затем налево и очутился в квартале обветшалых многоэтажных домов, вздымавшихся вверх, которые, казалось, дробили собой небо, оставив лишь узкую полоску, петлявшую над темными закоулками. Постепенно Муза перешел на шаг, переводя дух и морща нос от зловония отбросов, мочи и пота — запахов, которые некогда воспринимались им как данность.

Невольное изумление вызывало то, как он мог мириться со всем тем убожеством и нищетой, среди которой рос. За последние годы Муза успел попривыкнуть к благоуханному миру властей предрежащих — богачей, даром что обитал всего лишь на его периферии, а действовал в тени. Но тем

не менее эти узкие грязные улочки и тупики были ему памятны достаточно и давали вполне четкий ориентир в обход трущоб, что в конечном итоге позволяло выйти к дому на холме Квиринал, где его дожидался хозяин. Надо сказать, что здесь, в Субуре, существовали и другие опасности, о которых забывать было нельзя, поэтому Муза осторожничал, внимательно всматриваясь в каждого встречного, будь тот один или в компании, и взвешивая возможную угрозу, которую они могли представлять. В целом, не считая нескольких косо брошенных взглядов, все обошлось, и Муза в конечном итоге вышел на небольшую площадь в сердце Субуры, где находился раскидистый фонтан, снабжающий местных жителей водой из ответвления Юлианова акведука.

Как обычно, площадь была запружена женщинами и детьми, которых домашние послали сюда за водой. Каждую минуту кто-то отходил, сгибаясь под тяжестью наполненного кувшина, а кто-то, наоборот, приходил с порожним. Многие останавливались, чтобы посудачить. Здесь же собирались группами юноши и мужчины — одни пускали по кругу бурдюк с вином, другие неторопливо беседовали или играли в кости. На Музе была простая черная туника, и из остального люда он мог выделяться разве что аккуратной стрижкой и бородкой. По приближении к фонтану внутренняя напряженность более-менее улеглась. Сложив руки лодочкой, Муза нагнулся над каменным бортиком, зачерпнул воды и глоток за глотком утолил жажду, разыгравшуюся, пока он удирал от своего преследователя. Часть воды Муза плеснул себе в лицо и, распрямившись, удовлетворенно расправил плечи: его опытность и сноровка снова сослужили ему хорошую службу. Он отвернулся от фонтана и... застыл.

Тот самый, в коричневой тунике, стоял не более чем в полусотне шагов, прямо за людской толчеей возле фонтана. Только теперь он уже не прятался, не пытался слиться с толпой, а смотрел на Музу открыто, с дерзкой ухмылкой. Выражение лица преследователя холодило кровь, и вместе с тем в голове молниями сверкали вопросы: как такое оказалось

возможно? Как он умудрился не отстать? Как узнал, где его найти? Может, он тоже из местных? Муза запоздало клял себя за то, что недооценил противника.

Ладонь снова скользнула на рукоять ножа; стало чуть-чуть поспокойнее. Получается, ставки резко возросли. Теперь задача — не просто ускользнуть. Все становится куда более опасным, грозя перерасти в столкновение. Муза знал: от площади к улице, восходящей на Квиринал, отвечаялся укромный проулок, — и начал оттесняться к нему, внутренне напрягаясь для рывка. Все просто. Не хватило хитрости, чтобы обставить преследователя, — полагайся теперь на ноги.

Коричневая туника держалась с ним вровень: куда он, туда и она. Разгадав намерения, преследователь вновь развязно улыбнулся и погрозил пальцем. Муза впервые ощутил страх и почувствовал, как по хребту к шее поднимается неприятный холодок. Вот преследователь кивнул в сторону проулка, и Муза заметил, как из затенения по ту сторону площади выступили двое здоровяков, преграждая ему путь отхода.

— Язви вас, — буркнул вполголоса Муза.

Их трое, вполне возможно, что больше, и силой из ловушки не вырваться. Теперь все зависит от скорости. Муза снова втерся в толпу — так пока безопаснее — и еще раз оглядел площадь. По сути, отсюда ему открывались четыре выхода. Он выбрал проулок напротив тех амбалов, самый дальний от преследователя, и припомнил, что эта улочка идет параллельно дороге, ведущей на Квиринал. На каком-то ее отрезке, если изловчиться, можно будет срезать путь к дому хозяина — там безопасно. Муза напрягся и, набрав в грудь воздуха, рванулся, распахивая с дороги людей. Сзади доносились проклятия тех, кого он сшиб, но его это не волновало. Вырвавшись из толпы, он помчался по замызганным булыжникам ко входу в проулок и услышал за спиной окрик, перекрывший шум толпы:

— Эй, вы там! Держите его!

Муза в этот момент ринулся в сумрак тесной улочки. Какое-то время контраст с более ярким светом на площади ослепил его, и Муза мчался по улице почти наугад, надеясь, что не споткнется, не влетит в кого-нибудь или, чего доброго, не поскользнется на облитом какой-нибудь дрянью плитняке. Когда глаза попривыкли, он на лету стал разбирать детали — низенькие арочные входы в убогие мастерские и лавочки, хозяева которых пытались выживать на жалком доходе, остававшемся после грабительских поборов сборщиков податей и уличных банд Субуры. Горстка изможденных, состарившихся до срока женщин и мужчин в лохмотьях протянули руки за подающим, невнятно клянча деньги или съестное, — Муза пронесся мимо, слыша, как в звонкой улочке где-то сзади раздается топот ног преследователей. Стиснув зубы, он подгонял себя со все возрастающим чувством отчаяния. Впереди в полусотне шагов блеснул луч: солнечный свет отвесно падал на соседнюю, более широкую улицу, ведущую в сторону Квиринала. В сердце затеплилась надежда. Если еще с четверть мили держаться впереди, то можно выбраться туда, где безопасно. Стык улиц становился все ближе, а с ним и ободряющие лучи света, пронзающие темный мир трущоб. От угла Музу отделял всего десяток шагов, когда вдруг что-то резко ударило его по лодыжке, от чего беглец потерял равновесие и полетел вперед, вытянув перед собой руки. Он тяжело рухнул в канавку по центру проулка, где стояли мерзкие лужи отходов. Сила удара вышибла из легких воздух, и мгновение Муза лежал, пытаясь сделать вдох, чему мешала жгучая боль в ребрах. Все вокруг, казалось, заполонил перестук бегущих ног. Еще не в силах толком вдохнуть, он потянулся к ножу, пытаясь встать, затем выпростал лезвие и стал поворачиваться в решимости нанести удар.

В это мгновение по его руке ударил башмак, выбив нож из онемевших пальцев. Еще один удар ногой угодил ему в бок, от чего Муза опять лишился воздуха и, мучительно кряхтя, опрокинулся назад. Согнувшись, он надсадно ды-